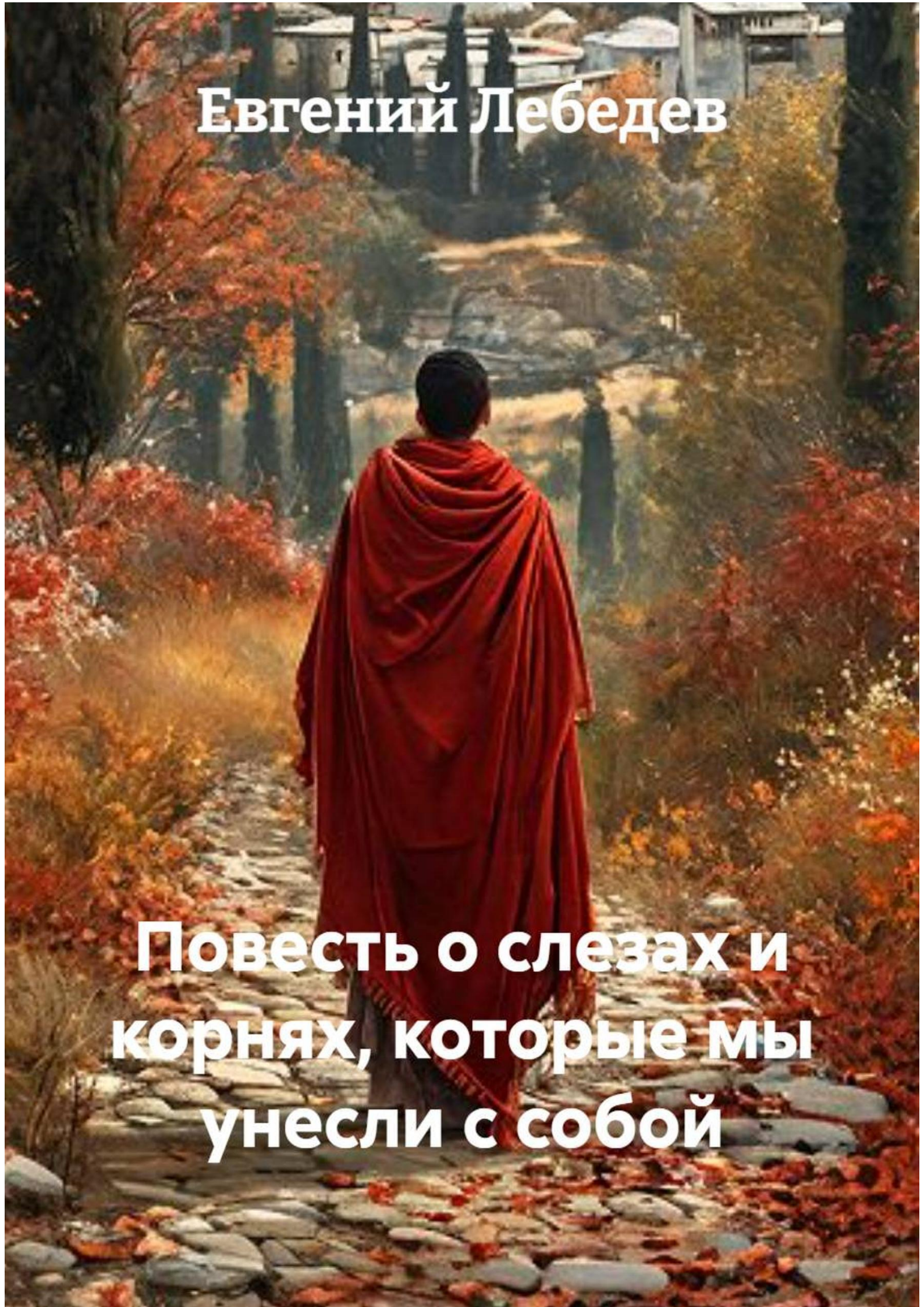

A person wearing a long, flowing red cloak is seen from behind, walking away on a winding stone path. The path is covered with fallen red and orange autumn leaves. The surrounding forest is dense with trees displaying vibrant autumn foliage in shades of red, orange, and yellow. In the background, a small village with stone buildings is visible through the trees. The overall atmosphere is contemplative and nostalgic.

Евгений Лебедев

**Повесть о слезах и
корнях, которые мы
унесли с собой**

Евгений Лебедев

**Повесть о слезах и корнях,
которые мы унесли с собой**

«Автор»

2026

Лебедев Е.

Повесть о слезах и корнях, которые мы унесли с собой /
Е. Лебедев — «Автор», 2026

Эта повесть есть литературное исполнение турецких событий начала XX века, литературный памятник истории семей современных армян населяющих сегодняшний юг России, в частности амшенских армян. Много из написанного не выдумка, не фантазия, а личная боль, раскалывающая сердце трагедия изменившая жизни людей ценой невосполнимых потерь и утрат, повествования о которых передаются от поколения к поколению.

© Лебедев Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. ЗЕМЛЯ ГОРЯЩАЯ ПОД НОГАМИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгений Лебедев

Повесть о слезах и корнях, которые мы унесли с собой

Часть 1. ЗЕМЛЯ ГОРЯЩАЯ ПОД НОГАМИ

“Народ, чья христианская вера так древна, который не отрекся от Христа после сильнейших бурь и жесточайших преследований, народ, чья история почти полностью является нескончаемым мученичеством, конечно же заслуживает не только нашего участия, но и нашей любви”

Максимилиан Саксонский

Глава 1. Доброе утро, которое не наступило

Акоп проснулся от запаха гари. Это был не запах пекарни отца — нет, от той пахло сладко, хлебом и тмином. Этот же запах был горьким, едким, он ел глаза и оседал на языке медью. Акоп вскочил с матраса, набитого соломой, и выглянул в щель ставен.

Небо над городом Муш было не голубым, а серым — смесь дыма и пыли. На соседней улице горел дом Аракелянов. Крики людей смешивались с лаем собак, которых никто не кормил уже вторую неделю. Акоп сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

Мать — Мариам — стояла у очага. Ей было сорок три, но она выглядела на шестьдесят. Годы забот о детях, о муже, о доме, сегодняшние беды врезались глубокими морщинами вокруг её глаз, но глаза эти оставались ясными, как озеро Севан, которое она видела только на картинках. Она не обернулась и сказала тихо, но твёрдо:

— «Акоп, собирайся. Ты обязательно должен уйти сегодня».

Он хотел возразить — он всегда хотел возражать, — но в этот раз слова застряли в горле. Потому что он знал: она права. Жандармы уже трижды приходили к ним. В первый раз они разбили окно. Во второй забрали серебряную ложку доставшуюся от бабушки и пристрелили пса. В третий — увели отца. Сказали, что он помогает бандитам. Отец не был бандитом. Он был пекарем, который кормил всю улицу, даже когда у других не было ни муки ни денег.

Акоп посмотрел на свои руки. Ему было семнадцать. Руки уже были сильными, огрубевшими от работы в пекарне. От переноски мешков с пшеницей и работы с тяжёлой ручной каменной мельницей. Но сильны ли они настолько, чтобы защитить мать? Он сжал их снова. Нет. Не сильны. Потому что против пуль и ярости руки подмастерья пекаря помочь не могли.

Глава 2. Прощание

Мариам достала из тайника под половицей мешок. Это был старый льняной мешок, затёртый временем, с вышитой буквой «П» — их фамилия начиналась на П. Петросян. Сыны Петра. Она развязала узел, внутри была пара белых холщовых домотканых рубашек, несколько, сложенных конвертом, свежее испеченный в тонире кругов лаваша и мешочек поскромнее, мягкий на ощупь. Акоп сразу понял, что внутри мешочка, и смиренно приготовился услышать хорошо знакомую историю. Историю которую он знал от первого до последнего слова, историю которую он слышал не раз из уст матери, но звучавшую сегодня с отчаянием и содроганием в её голосе.

— «Это семена самого лучшего табака в Муше, сын. Мой отец, твой дед привёз их из Киликии десять лет назад. Он говорил: "Пока земля даёт урожай, мы — живы". Возьми их. Где бы ты ни был, посади. Когда они прорастут, ты вспомнишь, откуда ты родом».

Своей земли для посадки табака в Муше не было и мать заботливо хранила их в ожидании лучшего времени.

Акоп взял мешок со всем содержимым. Он показался ему слишком лёгким. Парень давно привык таскать мешки куда тяжелее. Тихо в нос усмехнулся и опустил глаза. Он хотел спросить: «А как же ты? А как же сёстры?». Но знал — их уже нет. Сёстры ушли в горы с дядей неделю назад. Мать осталась, потому что не могла покинуть дом, где родила пятерых детей, где висели иконы, написанные её прадедом - церковным иконописцем. В конце концов она ждала отца, надеялась, что он вернётся, не могла уйти без него из дома, где он впервые поцеловал её на лестнице.

Мариам подошла к Акопу. Она была ниже его на полголовы, он перерос её, но ещё не достиг отцовского роста. Она сняла с гвоздя старый пояс — широкий кожаный, с медной пряжкой. На пряжке был выгравирован крест — армянский крест с цветами на концах.

— «Надень это, Акоп. В нём — наша память, его носили твой отец, дед и прадед».

Она застегнула пояс на его талии. Пояс оказался тяжелее, чем думалось. Акоп хотел спросить, почему он такой тяжёлый, но мать приложила палец к его губам:

— «Тише, сын. Молчи и слушай. В поясе — монеты. Двадцать с небольшим серебряных лир. Это всё что у нас есть. Их хватит, чтобы купить тебе жизнь. Не трать их на еду. Потрать их на билет. На документы. На то, чтобы стать человеком, которого никто не сможет сломить».

Она сняла с пальца обручальное кольцо — тонкое, почти стёртое — и вложила ему в ладонь.

— «Это отдай своему будущему сыну. Скажи ему: "Твоя бабушка молилась за тебя, когда тебя ещё не было". А теперь уходи».

Акоп хотел заплакать. Но не мог. Слезы не пришли и потом, в дороге, ночью, когда он смотрел на небо. Сейчас он должен был быть камнем. Он обнял мать. Она пахла хлебом, луком и потом — запахом жизни, запахом дома, который он так сильно любил, но больше может никогда не увидеть.

— «Я вернусь, мама. Я построю дом, приеду и заберу вас всех и мы будем жить в нём».

— «Я знаю, сын. Я буду ждать. Но если я не дожусь, знай: я не ушла. Я останусь в нашем доме, и каждый раз, когда ветер будет шевелить твои волосы, это я буду гладить тебя по голове».

Глава 3. Дорога к морю

Акоп ушёл до заката. Он шёл по тропам, которые знал только его дед — охотник и пастух, по тропам по которым они ходили вместе. Тот брал его маленьким вместе с собой. Рассказывал много историй и сказок. Объяснял как ориентироваться по звёздам, где искать родники и как дойти до моря. Тропы вились между скал, обходили жандармские посты, прятались в оврагах, заросших диким колючим тёрном. Акоп нёс на плече узел: сменное бельё, лаваш завернутый в чистую тряпицу, семена табака и пояс с монетами. Вот и вся ноша.

Три дня он шёл. Пил из ручьёв, спал в расщелинах скал, прятался от патрулей, которые прочёсывали местность. Однажды он услышал крики — женские крики, которые внезапно оборвались и угасли заглушённым пронзительным выстрелом. Сначала он побежал на крик, а затем — от него. Он ненавидел себя за это, но помочь он уже ничем не мог. Он знал: если его схватят, он не сможет сохранить жизнь. Не сможет вырастить новый урожай на новой земле и сохранить память о доме. Это было единственное, что давало ему силы бежать дальше.

К четвёртому дню, показалась дорога. Ночью шёл по ней, обходя заставы, днём сходил и двигался попутно, чтобы не привлекать внимания. Прятался от патрулей которых меньше не становилось.

На одиннадцатый день вышел к побережью. Море было серым, холодным, неприветливым. Это было Чёрное море, о котором он слышал по рассказам странствующих дервишей, они иногда называли его Русским. Оно показалось ему огромным, как сама жизнь. Где-то в стороне он заметил стоящий в воздухе смог. Пойдя вдоль лукоморья Акоп приблизился к порту.

Это был Трабзон - портовый город. Он увидел корабли. Большие пароходы с чёрными трубами, с парусами и маленькие рыбацкие лодки, которые качались на волнах. Среди них — корабль с белым флагом и синим перекрестием, название которого он не мог прочесть, но оно было похоже на кириллицу. Российский корабль.

Акоп дождался темноты и пошёл вдоль пирса. Его сердце билось так сильно, что он слышал его ушами. На пирсе рядом с кораблём стоял один человек, очевидно в форме — с бородой и в фуражке. В зубах он крепко держал курительную трубку и периодически выпускал облака дыма. Акоп долго разглядывал его стараясь понять не жандарм ли это и понял что нет. Понял что это русский моряк и пошёл к нему.

Человек заметил Акопа издали. Пока Акоп приближался, он успел сделать несколько затяжек, держа руку на кортике. Он смотрел на Акопа и не улыбался. Акоп подошёл ближе и понял, что это морской офицер. Остановился перед ним и растерянно посмотрев сделал глубокий вдох, чтобы что-нибудь сказать. На ум ничего не пришло и воздух просто обреченно выше носом.

— «Ты кто? Что надо?» — спросил офицер на смеси турецкого и русского, которую Акоп с трудом разобрал.

— «Я армянин. Мне ехать Россия... Пожалуйста» — на ломаном русском, делая долгие паузы, сопровождая свою речь жестами, произнёс Акоп.

Офицер посмотрел на него, на его узелок, на его рваную обувь, на его руки покрытые царапинами. В его глазах была усталость — он видел таких, как Акоп, уже сотни раз.

— «Деньги есть?»

— «Сколько?»

— «Ну, хоть что-нибудь».

Акоп порылся в кармане и в его ладони оказалась невеликая горсть медных монет. Они блеснули даже в блеклом свете луны. Он звякнул ими и протянул офицеру. Тот взял, взвесил в руке, и кивнув вернул всё обратно.

— «Прибереги пока. Дальше иди по этому трапу. По трапу. Понимаешь? На палубе скажешь: “Трюм” и отдашь деньги старшему матросу он передаст их капитану, тебе укажут куда идти, там есть место. Из трюма на палубу не выходи. Если спросят — ты беженец, ты никому не нужен, ты просто тень. Через пару часов прилив, будем отчаливать».

Глава 4. Трюм

В трюме было темно и тесно. Пахло углём и металлом, пресной водой и человеческим страхом. Там сидели люди — армяне, греки, персы. Женщины с детьми, старики, мужчины с седыми бородами и пустыми глазами. Никто не говорил. Все молчали, потому что слова кончились. Слова умирали вместе с домами, вместе с церквями, вместе с именами.

Акоп сел в углу, прислонившись спиной к холодной металлической стенке. Он обнял узелок, как ребёнка. В нём было всё — семена, надежда, будущее. Закрыл глаза.

К нему подсел старик. Тонкий, как тростинка, с глазами цвета чёрного горного хрусталя. Акоп испугался и немного прижал к себе свой скарб.

— «Ты армянин?»

— «Да»

— «Ты откуда, сынок?»

— «Из Муша».

— «А-а-а, Муш...» — старик покачал головой. — «Я из Вана. Ты знаешь, что с Ваном?»

— «Нет, не знаю».

— «Я потерял всех. Жену, дочерей, внуков. Остался только я. И вот это» — он показал на маленькую книгу, которую держал в руках. Это была Библия, старого издания, с обгоревшими краями. — «Я даже не знаю, зачем я её спас. Бога нет, если он допустил такое. Но когда я читаю эти строки, я слышу голос моей жены. Она читала их вслух по вечерам. Играла на фортепьяно и пела. Это единственное, что у меня осталось».

Акоп молчал. Он не знал, что сказать. Не существует слов утешения для человека, который потерял всё. Акоп смотрел на него и слушал. Думал о сёстрах, о матери, об отце. Этот старик немного напоминал его. Те же натруженные руки, немного хрипловатый голос и седина.

— «Что ты везёшь в Россию?» — спросил старик.

— «Семена табака. Моя мама... она дала мне их. Сказала, чтобы я вспоминал...».

Старик перебил его:

— «Твоя мама — мудрая женщина. Семена не пропадают, сынок. Человек умирает, но семена остаются. Ты посадишь их, и когда они прорастут, ты увидишь её лицо в листе. Я видел это. Мой дед посадил виноград в Ване, и я каждый год ел этот виноград, даже когда его самого не стало. Мы не умираем, пока нас помнят. А нас помнят вот так — в земле, в труде, в растениях, в хлебе. Ладно, я вижу ты очень устал. Поспи», — затем старик замолчал.

Глава 5. Шторм

Прошло несколько часов, минула ночь. Акоп полулежал полусидел на холодном деревянном настиле. Наступило утро, но было всё ещё темно и гремел гром. На палубе послышалась суэта, крики. По тону было понятно, что кто-то отдавал команды. В трюме зашумели. Корабль уже шёл в открытом море. Акоп почувствовал, как его качнуло. Сначала мягко, потом сильнее. Было понятно, что разыгрался шторм. Волны стали бить о борта с глухим грохотом, похожим на даулы.

В трюме стало хуже. Люди молились. Кто-то стоял на коленях, кто-то держал в руках крест, кто-то просто шептал имена — своих близких, своих богов, живых и мёртвых.

Акоп закрыл глаза и начал молиться сам. Он не знал всех слов. Он знал только "Отче наш..." — и те несколько строк из Евангелия, которым его выучила мать. Он шептал их снова и снова, и в этот момент он почувствовал, словно она рядом, держит его за плечо.

Палубный матрос спустился в трюм и крикнул по-русски:

— «Ничего не бойтесь! Это нормально! Мы идём в Россию! Там будет земля, там будет жизнь, там вас не тронут!»

Слово "земля" прозвучало как обещание. Акоп сжал мешок с семенами. Он вспомнил, как отец говорил: «Самое хорошее слово на свете — "земля". Потому что земля вынесет всё. Она терпит плуг, терпит огонь, впитывает пот, слёзы и кровь. Но она всё возвращает сторицей».

Глава 6. Цена жизни

Корабль замер у причала. Акоп слышал, как заскрипели канаты, как глухо ударился борт о деревянные сваи. Он слышал голоса — и среди них резкие, требовательные, словно удар плети. Матрос громко крикнул в трюм:

— «Выходите! Быстрее! Все!».

Кто понял стал подниматься и сообщать остальным. Акоп выбрался на палубу вместе с другими беженцами. Люди жались друг к другу, как овцы перед грозой. Они щурясь от яркого света смотрели на берег, на землю, которая была так близко — всего в двадцати шагах, — но казалась недостижимой, как небо.

На причале стояли люди в форме. Не морской — другой. На их фуражках блестели кокарды, на плечах — погоны. Таможенники. Они смотрели на беженцев без злобы, но и без сочувствия. Они смотрели как на груз, который нужно проверить.

Офицер — высокий, с седыми усами и глазами цвета зелёной морской волны — подошёл к трапу и крикнул:

— «Кто капитан?»

Капитан корабля, грузный грек с красным от ветра лицом, спустился и на полпути перегнулся через леер:

— «Я капитан. Везу ценный груз, но это дальше. А ещё беженцев с турецкой земли. Армяне, греки, персы, ассирийцы. Прошу разрешить им сойти на берег».

Таможенник покачал головой. Он достал из кармана потёртую книжицу, и помахал ей в воздухе.

— «Здесь сказано: все пассажиры должны иметь документы. Где они?»

Капитан растерянно посмотрел на толпу беженцев. Они стояли с пустыми руками, с детьми, с молитвами в глазах. Никаких документов. Всё осталось там — в сгоревших домах, в брошенных сёлах, в карманах мёртвых.

— «Им негде было взять документы, господин корабельный смотритель. Их сёла сожжены. Их семьи убиты. Они бежали с одной лишь верой».

Таможенник хмыкнул. Поднялся по трапу, за ним последовала пара его сопровождающих и конвой. Смотритель глядел на беженцев с тем же выражением, с каким смотрят на бродячего пса, — с жалостью, но без желания пускать в дом.

— «Вера — это хорошо. Но есть закон. Без бумаг никто не сойдёт. Корабль будет стоять здесь, пока вопрос не решится».

В толпе начался шёпот. Женщины заплакали. Дети, чувствуя страх взрослых, начали хныкать. Старик, тот самый, что сидел рядом с Акопом в трюме, выступил вперёд. Он говорил по-русски с сильным акцентом:

— «Господин, мы не можем вернуться! Там смерть! Нам некуда возвращаться. Мы умрём! Вы хотите, чтобы мы умерли здесь, у ваших ног? Мы голодны и истощены!»

Офицер не ответил. Он отвернулся и начал что-то записывать в блокнот. Тишина стала тяжелой, как грозовая туча. Люди переглядывались. Среди них был один человек, который пытался спрятаться за спинами женщин — молодой мужчина с перевязанной рукой. У него как и у всех ничего не было. Ничего. Ни денег. Ни документов. Он бежал в одной рубашке надетой на него самого и надеждой в сердце. Но надежда не была пропуском.

Тогда к таможеннику подошёл один из сопровождающих. Он наклонился к уху таможенника и прошептал что-то. Офицер нахмурился, потом снова посмотрел на беженцев.

— «Так! Вот оно что...» — сказал он громко. — «Есть решение, друзья мои. Закон для всех один. Но закон можно трактовать по своему. Если у вас есть, чем заплатить за сход на нашу землю — тогда вы сойдёте. Откуда вы все? Из Турции? По одной серебряной лире с человека, и я смотрю на вас сквозь пальцы».

Толпа ахнула. Люди зашептались громче, кто-то заплакал в голос. Лира серебром с человека! Это было состояние для тех, кто потерял всё. У многих не было ни копейки. Всё что они имели отдали за то чтобы добраться сюда, им хотелось просто сойти на берег. У некоторых были мелкие медные монеты, но они ничего не стояли. Женщина с двумя детьми, стоящая рядом с Акопом, начала искать у себя хоть что-нибудь, но нашла только старую пуговицу. Она прижала её к груди и закрыла глаза.

— «Откуда у нас серебро?» — крикнул кто-то из толпы. — «Мы бежали с босыми ногами и пустыми карманами!»

Таможенник развёл руками. Его лицо выражало сожаление:

— «Тогда я ничем не могу помочь. Будете стоять здесь. Сколько дней — не знаю. Может, месяц. Может, год. Груз придёт, уйдёт, а вы будете ждать. Или отправляйтесь назад. Конвой обеспечит, чтобы ни один человек на землю не сошёл».

Его слова были холодными, как вода, по которой они приплыли. В толпе началась паника. Кто-то упал на колени и начал молиться. Кто-то кричал на офицера, называл его убийцей, грозясь нанести ему побои иссохшим кулаком. Через секунду его уже скручивали подоспевшие жандармы. Было понятно, что силой вопрос не решить. Это не первые беженцы которых созерцала таможня в эти дни.

Акоп стоял неподвижно. Он чувствовал, как пояс на его талии становится тяжелее. Он вспомнил слова матери: «Не трать их на еду. Потрать их на то, чтобы стать человеком, которого никто не сможет сломить». Он понял, что это тот самый момент — именно тот.

Он расстегнул пояс и снял с пояса пряжку. Она снималась с секретом — он знал это с детства. Мать показывала ему, когда он был маленьким. Нажал на потайной замок, и пряжка отошла от ремня. В пояс как в глубокий карман были вложены монеты. Акоп тряхнул и монеты посыпались на ладонь. Шум прибоя заглушил их звон. Двадцать пять серебряных лир.

Он начал считать людей. На корабле было около шестидесяти беженцев. У него не хватало денег на всех. Но он считал не головы — он считал души. И решил, что заплатит, если не за всех, то хотя бы за тех, у кого нет вообще ничего. Он отдаст всё, кроме семян и кольца. Что-то из вещей можно продать потом и выручить немного денег. Документы можно купить позже. Но жизни позже купить было нельзя.

Он шагнул вперёд. Все обернулись на него — на этого простого парня в потертой одежде, с руками пекаря и глазами воина. Он подошёл к таможеннику и разжал ладонь. Серебро блеснуло.

— «Я заплачу».

Таможенник опешил. Он не ожидал, что этот невзрачный подросток в грязной одежде — самый богатый человек на корабле. Он взял одну монету, поднёс к свету, попробовал на зуб, улыбнулся. Монета была настоящей.

— «Сколько у тебя?»

— «Двадцать пять лир, господин. Этого хватит пустить людей? Хотя бы тех, кто совсем без денег, женщины, дети?»

Офицер пересчитал монеты. Снова посмотрел на толпу — на стариков, на женщин с детьми, на тех, кто не мог стоять на ногах от голода. В его лице что-то дрогнуло. Не сочувствие — нет. Уважение к смелости этого мальчика, который пожертвовал всем что было ради незнакомцев.

— «Отлично! Кто ещё готов внести оплату?».

Остальные молчали опустив глаза в палубу. Несколько женщин закрывали лицо руками.

— «Ладно. Я добавлю ещё пять из своих. Пустите их ради Бога, ирод!» — произнёс тот русский корабельный офицер с трубкой. Таможенник улыбнулся. Моряк стоял рядом и Акоп слышал как он тихо и с презрением добавил — «Жадный глаз только сырой землёй насытится» — сплюнул за борт и добавил — «иуда».

— «Хорошо. Тридцать хватит за всех. Я скажу, что мы взяли сбор на благоустройство города», взглянул на Акопа и добавил — «Иди, парень. Ты молодец». Таможенник даже не понял, что взял мзду по библейской мерке, затем повернулся к толпе и крикнул:

— «Всем сходить на берег! Женщины и дети — вперёд! Старики — за ними! Остальные — подождать! В конторе выпишут необходимые бумаги».

Глава 7. Слезы и корни

Люди сначала не поверили. Они стояли в оцепенении, как будто боялись, что это сон, который сейчас развеется. Но первая женщина осторожно шагнула на трап, потом вторая, и

хлынул поток. Старик с Библией быстрым шагом подошёл к Акопу и взял его за плечи, дрожащим голосом спросил:

— «Ты... ты... ты отдал всё? Все свои деньги? За нас?!»

— «Отдал. Всё. За нас» — тихо сказал Акоп. — «Моя мать сказала, что я должен ими распорядиться правильно. Я думаю, она бы одобрила. Я не могу купить всем благополучие, но я могу дать людям веру на будущее, дать шанс сохранить жизнь. А жизнь — это самое ценное, что у нас есть».

Старик заплакал. Он поцеловал Акопа в лоб, как целуют святых на иконах. Потом взял свою Библию и протянул её парню:

— «Возьми, сынок. Это всё, что у меня есть. Ты достоин этой книги. В ней сказано: "Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы". Ты купил нам не билет на берег. Ты купил нам спасение. Я буду молиться за тебя каждый день до конца моих дней».

Акоп посмотрел на книгу. Потом на рядом стоящую женщину с детьми. Было видно, что у них ничего нет. Ответил старику:

— «Спасибо. Вы отдайте книгу этой женщине, чтобы она могла по возможности обменять или продать её и купить малышам поесть».

Старик кивнул и вложил книгу в руку женщине. Крепко прижал Акопа к себе, на глазах снова проступили слёзы. Он утёр их сжатыми кулаками и ушёл.

Акоп спустился с трапа последним. Его нога коснулась берега. Он не упал на колени, хотя ноги дрожали и упрямо просили отдыха. Сказывалось пережитое. Он стоял прямо, с высоко поднятой головой. Пояс на его талии опустел, серебро исчезло. Остались только семена табака в мешке за спиной и обручальное кольцо, которое он надел на палец.

Он обернулся и посмотрел на море. Чёрное, бесконечное, бушующее море. Оно унесло его от родных мест, от горящих домов, от криков и смерти. Оно же принесло его сюда, на эту землю. Оно ничего не дало ему, кроме возможности. Возможности выбора — быть богатой скотиной или бедным, но человеком. Он выбрал быть человеком.

К нему подошла женщина — пожилая, в завязанном под подбородком белом платке, с корзинкой в руках. Она посмотрела на него, на запавшие щёки, на полегчавшее от страданий и тягостей тело.

— «Ой, сынок, ты голоден? Возьми. Такой худенький. Спаси тебя Христос» — она протянула ему кусок хлеба, посыпанный солью и перекрестила.

— «Шат шноракал ем» — сказал он по-армянски и благодарно кивнул ей в ответ. Она улыбнулась.

— «Будет хлеб и будет жизнь» — ответила женщина и ушла дальше вдоль пирса раздавая хлеб остальным новопривывшим.

Держа кусок в руке Акоп сел на камень у причала, закрыл лицо руками, жевал и плакал. Впервые за всю долгую дорогу. Тихо, без звука. Слёзы капали на камни, на одежду, на мешок. Он плакал по дому, по матери, по отцу, по сёстрам, по всем, кто остался там, и по тем, кто теперь здесь, но утратил всё. Он плакал от усталости, от радости, от облегчения.

Так он просидел около часа. Стало прохладно. Он обхватив себя руками поднял голову, солнце стояло в зените, но с моря бил сильный выдувающий тепло ветер. Над портом кружили чайки, пахло свежим хлебом, запах который он знал с детства, и битумом, недалеко смолили рыбацкие лодки перевернув их вверх дном. Он обернулся. На скамейке рядом сидела та самая женщина с детьми, которая получила Библию. Она кормила малышей тем же хлебом, который раздавала женщина в платке.

Она повернулась к Акопу и спросила:

— «Продрог?» — с этими словами она вытащила из своего узла вязаный жакет и накинула на Акопа.

— «Нет! Нет! Не надо!» — вскрикнул Акоп.

— «Сынок, спасибо тебе. Прими от меня этот жакет! Пусть он согреет тебя! Я прошу! Я не знаю твоего имени, но я запомню твоё лицо. Когда мои дети вырастут, я расскажу им, что нас спас мальчик с серебряными монетами и золотым сердцем».

— «Ты воистину защитил нас сегодня. Знаешь, я сначала думала, что Бог покинул нас. Но увидела тебя и поняла: Бог не покинул. Он просто переоделся в юного мальчика с котомкой». Она подошла ближе и трижды поцеловала руки Акопа.

Акоп улыбнулся сквозь слёзы. Он понимал, что ещё много испытаний ждут и его и всех их впереди. Но сейчас, в этот момент, земля под их ногами — тверда и безопасна. И что она заботливо одарит их всем. И что он не один. Вокруг него — десятки людей, которые, как и он, потеряли всё, но остались живы. И каждый из них хранит в душе и сердце свои семена. И они могут посеять их в сердцах других людей, и эти семена пустят корни, и взойдут ростки, и дадут плоды, каждому свои и каждому по делам его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.